

Материал, представленный в настоящем сборнике, относится к различным географическим пунктам, а авторы записей работали иногда в местностях, весьма удаленных от Армении. Исследователю настоящего материала очень помогла бы карта с нанесением на нее тех точек, где были сделаны записи.

Издание памятных записей XIV в. обогащает советскую историческую науку новыми, очень интересными данными по истории СССР, Византии и Переднего Востока. Следует пожелать, чтобы были выпущены материалы такого рода, относящиеся и к последующим векам.

И. К. Кусикьян

М. МАТЬЕ и К. ЛЯПУНОВА. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТКАНИ КОПТСКОГО ЕГИПТА

Государственное издательство „Искусство“. М.—Л., 1951, стр. 252,
в том числе 48 таблиц.

Опубликованная издательством „Искусство“ книга М. Э. Матье и К. С. Ляпуновой „Художественные ткани коптского Египта“ представляет выдающееся явление в советской искусствоведческой литературе: в сущности она является первым нового типа научным каталогом музейных собраний, ставящим задачи не только публикации и формального описания памятников, но и цели настоящего исторического исследования вещественного материала, с широким привлечением письменных источников, использованных с позиций марксистско-ленинской методологии¹.

Одно из богатейших в мире собраний памятников так называемого коптского Египта, хранящееся в Эрмитаже, до настоящего времени почти не было опубликовано. Несмотря на серьезные трудности для исследования, объясняемые, в частности, дефектами методики археологических раскопок конца XIX в. (буржуазные исследователи пренебрегали точной фиксацией условий находки памятников), этот исключительно многообразный по своему составу материал дает возможность поставить, а в некоторых случаях и разрешить ряд интереснейших исторических вопросов.

Памятники Египта, особенно хорошо сохранившиеся благодаря климатическим условиям этой страны, позволяют охарактеризовать разные стороны быта и различные области ремесла переломного этапа в истории Египта, периода ломки рабовладельческого строя и становления нового — феодального: керамика, ткани, изделия из кожи, бронзы, кости, каменные рельефы, надписи и пр. являются ценнейшим источником для истории III — VII вв. н. э.

Авторы рецензируемой книги — исследователи коптской культуры, в частности искусства, известные как по своим работам обобщающего характера², так и по специальным статьям, посвященным отдельным

¹ В известной мере ей близка по характеру издания книга К. В. Тр е в е р „Памятники греко-бактрийского искусства“ (М.—Л., 1940), представляющая собой первый том серии „Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа“.

² М. Э. Матье и К. С. Ляпунова. Греко-римский и византийский Египет. Путеводитель по выставке, Л., 1939. Их же. История техники эллинистического, римского и коптского Египта (в кн. „Очерки по истории техники древнего Востока“, М.—Л., 1940).

группам памятников¹. Некоторые вопросы, освещаемые в вводных главах работы, были уже намечены в этих предварительных статьях.

Книга делится на две основные части: первую — обобщающую, рассматривающую коптские ткани как памятники культуры, и вторую — представляющую собственно каталог, снабженный иллюстрациями. Первая часть состоит из четырех глав: I. Коптский Египет и изучение памятников его культуры. II. Техника коптских тканей. III. Древнеегипетские традиции в коптском искусстве. IV. Сюжеты коптских тканей V века.

В первой главе (стр. 3—19) дается краткая, но яркая картина исторических судеб Египта со времени Александра Македонского до VI в. н. э., главным образом в IV—VI вв. н. э. Особое внимание при этом уделяется вопросам идеологии, процессам ломки старой надстройки и формирования новой; подчеркивается длительное сохранение элементов культуры древнего Египта, испытавшей на себе влияние эллинистической, а позднее христианской идеологии. Следуя основным положениям работы И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, авторы вскрывают на конкретном историческом материале активную роль надстроечных явлений рассматриваемого периода и указывают на обычно игнорируемое буржуазной наукой своеобразие путей развития различных народностей (в частности, египетской), входивших в состав древних и средневековых государственных объединений. Следует всячески приветствовать также попытку авторов определить социальную сущность различных форм идеологии, выяснить классовые корни борьбы язычества и христианства, а также так называемых еретических учений, имевших столь широкое распространение в Египте. Плодотворна, в частности, мысль о сохранении древнеегипетских традиций в идеологии сепаратистски настроенных кругов египетской знати; позднее те же тенденции нашли свое отражение в ересях. Все эти вопросы, затронутые в историческом введении, неразрывно связаны с характеристикой коптского искусства и, в частности, художественных тканей. Дальнейшее изложение таким образом получает твердое историческое обоснование.

Глава заканчивается краткой историей изучения коптских памятников, включающей критику современного состояния буржуазной науки и отмечающей прогрессивное значение работ русских ученых, в первую очередь В. В. Стасова, а также собирателя коптских коллекций Эрмитажа В. Г. Бока.

Содержание второй главы (стр. 20—33) выходит за пределы ее названия. Помимо характеристики техники изготовления тканей, в ней содержится описание назначения сохранившихся тканей и принципов их украшений, а также условий находок некоторых документированных памятников, что позволяет уточнить их датировку и социальную принадлежность; сюда же, — по нашему мнению, не вполне оправданно, — включено и сопоставление принципов украшения тканей с принципами других видов искусства, причем особенно детально рассматриваются мозаичные полы. Авторы делают здесь ряд интересных наблюдений, отмечая, например, постепенное усиление дробности композиции, нарастание схематизации

¹ М. Э. М а т в е е. Коптская расписная керамика Эрмитажа. Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа (далее ТОВЭ), т. I, 1939; е е ж е. Коптские и египетские магические женские статуэтки, там же; е е ж е. Древнеегипетские мотивы на тканях византийского Египта, ТОВЭ, т. III, 1940; К. С. Л я п у н о в а. Коптская ткань с мифом о Геракле, ТОВЭ, т. I, 1939; е е ж е. Изображения Диониса на тканях византийского Египта, ТОВЭ, т. III, 1940.

и условности; эти черты, характеризующие стиль, значительно выиграли бы в контексте следующих глав, несколько искусственно отрывающих (как будет сказано ниже) содержание изображений от стиля; сами авторы частично возвращаются к этой теме в конце четвертой главы.

Большой интерес представляет третья глава (стр. 34—50) — „Древнеегипетские традиции в коптском искусстве“ [являющаяся переработкой статьи М. Э. Матье „Древнеегипетские мотивы на тканях Византийского Египта“ (ТОВЭ, т. III, стр. 117—145)]. Если первые русские исследователи коптских древностей только указывали на необходимость изучения древнеегипетских элементов в искусстве коптов, то автор рассматриваемой главы, будучи видным знатоком искусства Древнего Египта, прослеживает эти традиции на длинном ряде неоспоримых примеров, подкрепляя свои выводы данными литературы и искусства. Выявляя сохранение старых традиций в памятниках IV—VI вв., автор одновременно изучает процесс переосмысления сюжетов в соответствии с требованиями времени. Данная глава резко порывает с обычными концепциями буржуазной науки. Буржуазные ученые, как правило, отрывают историю Древнего Египта от так называемого христианского периода и тем более — от периода после арабского завоевания. Между тем „качественные особенности“, присущие каждому народу, тот вклад каждой нации в общую сокровищницу мировой культуры, о котором говорил И. В. Сталин,¹ сказывались, может быть, в менее ярко выраженной форме, и на предшествующих этапах развития различных народностей. Одним из достижений советской науки является выяснение роли различных народов в создании культуры человечества на разных этапах ее развития, — культура этих народов, входивших в состав эллинистического, римского, византийского, арабского и других государственных объединений, сохраняла известные качественные особенности.

Четвертая глава, названная „Сюжеты коптских тканей V века“ (стр. 51—80), менее отчетлива по кругу включенных в нее вопросов. Значительная часть ее посвящена довольно детальному разбору образов и сюжетов, связанных с греко-римской мифологией и литературой;² авторы отмечают своеобразные черты коптского претворения этих сюжетов, указывают на новое осмысление ряда мотивов, возникшее, в частности, в связи с распространением христианства.

Авторы останавливаются (стр. 69—80) на „изменении стиля этих изображений“ (стр. 69), обусловленном требованиями новой, зарождавшейся в это время феодальной идеологии. Исходя из стилистического анализа, авторы создали некоторые критерии для датировки тканей. Следует признать удачным опыт выделения отдельных групп тканей по принципу их иконографической и стилистической общности. В заключение вновь (ср. гл. II) приводятся некоторые соображения по вопросу о социальном составе владельцев тканей.

При всех достоинствах рассмотренной первой части книги, принципиально отличающих ее от донныне известных каталогов коптских тканей, она не лишена и ряда недостатков как более общего, так и частного порядка.

¹ Речь И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской Правительственной Делегации 7 апреля 1948 года. „Большевик“, 1948, № 7, стр. 2.

² Эти части являются переработкой статей К. С. Ляпуновой, опубликованных в ТОВЭ, т. I и III.

Прежде всего, представляется недостаточно убедительным ограничение рамок издания IV—V вв. и исключение в связи с этим из его состава более поздних тканей; столь же мало убедительным представляется нам и исключение из каталога тех тканей, которые имеют орнаментальные изображения.¹ Мотивировка хронологического ограничения тем обстоятельством, что издаваемые ткани „были созданы в последний период борьбы язычества и христианства в Египте и отразили в своих изображениях ход развития этой борьбы; ткани же VI—VII веков имеют уже иной характер, и их изображения отражают в основном идеи и образы победившего христианства“ (стр. 19), вызывает серьезные сомнения. Полностью учитывая значение религиозных форм идеологии в рассматриваемый период, отнюдь нельзя считать этот момент решающим для периодизации даже такого конкретного материала, как ткани. К тому же авторы вступают в противоречие с собственным пониманием исторического процесса: борьба старых и новых форм идеологии в полном соответствии с борьбой старых (античных) и новых (феодальных) форм общества еще далеко не была закончена в V в. Античные сюжеты и образы, воплощенные в памятниках Константинополя и многих других центров, продолжали жить и в последующие века так же, как они сохранялись в памятниках литературы, в пережитках языческих культов и т. п.

С другой стороны, несмотря на то, что в ходе изложения (как, например, на стр. 21 при определении различных форм туник, на стр. 23—24 — при описании техники изготовления узоров, на стр. 26 — в рассказе о погребении Аврелия Коллуфа и в ряде других мест) неоднократно встречаются беглые указания на основания для датировки тканей, читателю все же остается неясным, каковы основные критерии для определения времени изготовления тканей. Не слишком ли увлекаются авторы критерием сюжета изображений, не совпадающим, кстати говоря, с понятием идейного содержания: не могут ли эти сюжеты навести их иной раз на спорные датировки? Было бы несправедливым обвинять авторов в том, что они при датировке игнорируют вопросы стиля (стиль, кстати говоря, не ограничивается формой, как это следует из нечетких формулировок на стр. 49 или 71, а органически включает и содержание), — в частности, этим вопросом уделено внимание в последнем разделе четвертой главы; однако, признавая сосуществование различных стилистических групп, они пренебрегают этим обстоятельством при датировке вещей и исходят из наличия единой линии развития стиля. Между тем ряд фактов говорит о том, что в эту переломную эпоху такой единой линии развития не было. Сосуществование разных стилистических групп как в период до победы христианства, так и после нее не подлежит сомнению. Христианская тематика должна была отразиться и в памятниках V в.; отсутствие ее в числе сюжетов на тканях рассматриваемого периода представляется сомнительным. В то же время мифологические образы, не чуждые искусству периода Юстиниана и даже более позднего времени, естественно представлены и на тканях VI в.

Быть может, привлечение орнаментальных тканей (не следует ли предполагать, что они в большей мере отражали народное искусство?) дало бы также ключ к датировке ряда сюжетных.

¹ Это можно объяснить лишь желанием наиболее полно опубликовать памятники. В таком случае рецензируемое издание следует рассматривать как первый том каталога.

Значительным пробелом книги, имеющей хорошее историческое предисловие, является отсутствие хотя бы краткой характеристики других вещественных памятников рассматриваемой эпохи. Изредка привлекая аналогии из других областей изобразительного искусства, авторы нигде не дали даже простого перечня вещей, находимых вместе с тканями; бесспорно, в каталоге тканей это не должно было носить развернутого характера, но в форме справки, в частности, при описании коллекции Эрмитажа такой перечень совершенно необходим.

Заканчивая первую главу, авторы подчеркивают, что они „не стремились дать полное и исчерпывающее исследование истории развития изображений на коптских тканях IV—VI веков н. э.“ (стр. 19), и действительно третья и особенно четвертая глава скорее представляют экскурсы по этим вопросам, чем исчерпывающее изложение темы. Само по себе это законное право авторов; следовало бы лишь привести в соответствие с фактическим содержанием структуру книги и ее оглавление.

Рассмотренные главы снабжены необходимыми примечаниями (стр. 81), дополняющими текст рядом интересных наблюдений.

Переходя к более мелким конкретным замечаниям, следует обратить внимание на некоторые неудачные формулировки, имеющиеся в первой главе. Так, первая же фраза книги, говорящая о большой историко-художественной ценности египетских тканей IV—V вв., неправильно ограничивает их роль лишь „своеобразным воспроизведением не сохранившихся современных им памятников изобразительного искусства и в особенности живописи“ (стр. 3). Между тем не подлежит сомнению самостоятельное значение публикуемого материала, имевшего сравнительно широкое распространение.

Вызывает сомнение формулировка на стр. 6, где говорится о том, что при Птолемах „основная масса жителей страны — население сельских общин — живет своей прежней жизнью“. Из этого следует, что новые формы культуры создаются лишь в Александрии. Однако создание этих новых форм навряд ли могло совершаться безо всяких сдвигов в жизни широких масс эксплуатируемого населения страны. На стр. 7 правильнее было бы говорить о включении Египта в 395 г. в Восточно-Римскую, а не Византийскую империю. Неточным представляется нам положение о том, что „одной из особенностей социальных отношений на Востоке было несколько более длительное сохранение значения городов по сравнению с Западом“ (стр. 12), — на самом деле городская жизнь не замирала в Византии, как и в ряде других стран Востока в течение всего средневековья.

В небольшом разделе, посвященном технике окрашивания тканей, не вполне правильно указывается, что Финикия представляла собой единственный район добычи пурпура; отнюдь не точно и указание, что применение его было „не всем доступно“ (стр. 25): правильнее было бы сказать, что носить подлинные пурпурные ткани было привилегией высших кругов придворной знати. Жаль, что авторы не указывают дат папирусов, содержащих данные об окраске тканей.

Как уже упоминалось выше, неоправданным является включение в главу о технике производства тканей отдельных фактов, касающихся социального положения владельцев некоторых сохранившихся тканей. Нам представляется также, что было бы более правильным выделить вопрос о принципах датировки и классификации тканей в самостоятельный раздел.

Непропорционально большое место в изложении занимают страницы, посвященные сопоставлению некоторых типов тканей с мозаичными полами (стр. 29—33). Остается неясным, единственный ли это вид искусства, связанный с украшением тканей. Надо бы поставить вопрос о возможности проводить аналогии с резьбой по камню, кости и т. п. К тому же цель всех проделанных авторами — самих по себе вполне убедительных — сопоставлений остается недостаточно ясной.

Вызывает сомнение также и то, насколько закономерна попытка авторов изолировать вопрос о цвете тканей, о наличии однотипных и многоцветных тканей от других моментов стилистической характеристики. Как известно, полихромия — явление, отличающее византийское искусство и искусство ряда других стран Востока на определенном этапе, теснейшим образом связана с рядом других стилистических черт.

Как отмечалось выше, особенно удачной следует признать третью главу, однако и в ней имеются некоторые промахи. Наименее убедительно среди многочисленных иных сопоставлений с древнеегипетскими мотивами сравнение так называемых „мальчиков с локотъ“ с маленькими фигурками слуг, располагавшихся рядом с вельможами (стр. 48). Не говоря о том, что в рассматриваемую эпоху такое противопоставление размеров основных и второстепенных персонажей уже было широко распространено, — фигурки этих мальчиков, как нам кажется, имеют значительные аналогии с эротами.

Наконец, мы считаем спорным утверждение авторов, будто бы идеи, нашедшие свое отражение на предметах, имевших сравнительно широкое распространение, отражают вкусы одних лишь владельцев тканей (стр. 50), — не будет ли более правильным считать, что на них отразились также и вкусы тех, кто создавал эти вещи? Это тем более вероятно, поскольку у нас нет оснований предполагать, что египетские художественные ткани этого времени изготовлялись исключительно на заказ.

Четвертая глава, как уже упоминалось выше, отводит преимущественное внимание сюжетам тех коптских тканей, которые связаны с греко-римскими традициями. Хотя эта тема в большей мере интересовала буржуазную науку и была предметом неоднократного исследования зарубежных искусствоведов, авторы сумели внести в этот вопрос много нового, предложив удачные определения сюжетов некоторых групп Эрмитажных тканей. Быть может, однако, в данном случае было бы более целесообразно сопоставить их с современными им памятниками (живопись катакомб, стенные мозаики, резьба по мрамору и кости), чем в поисках первоисточника иной раз восходить к микенским прототипам (стр. 65). С другой стороны, правильно борясь с порочной методологией буржуазных искусствоведов, приписывающих „все лучшее, сделанное коптским искусством, греко-римским или иранским мастерам“ (стр. 15), — авторы книги все же уделяют большое внимание античным влияниям и полностью игнорируют связи коптского искусства с восточной культурой. Между тем анализируя, например, изображения всадников, следовало бы обратиться и к восточным аналогиям.

Общим недостатком этой главы (как и главы второй) является некоторая нечеткость в постановке ее основной темы, несоответствие ее заглавия содержанию. Далеко не все сюжеты, встречающиеся на коптских тканях, являются предметом исследования авторов (достаточно для этого ознакомиться с перечнем их в каталоге); с другой стороны, в эту главу входит не только анализ сюжетов, но и заслуживающие

всяческого одобрения стилистические характеристики отдельных групп памятников.

Вторая часть книги представляет каталог тканей IV—V вв. из собрания Эрмитажа (стр. 75—161).¹ Первые два подразделения каталога даются по функциональному признаку: завесы (№ 1—6) и туники (№ 7—11). Остальные восемь — по характеру сюжетов: портреты (№ 12—14); ткани с изображениями нильских божеств, нильской природы и жанровых сцен на берегах Нила (№ 15—21); ткань с изображением жанровой сцены (№ 22); ткани с изображением эротов (№ 23—33); с мифологическими сюжетами (№ 34—123), с изображениями всадников (№ 124—193); с изображениями человеческих фигур и всадников (№ 194—370); птиц и рыб (№ 371—409). Подавляющее большинство всех этих памятников воспроизведено на 48 таблицах. Для каждого памятника авторы указывают краткое наименование, материал, технику изготовления, размер, перечисляют краски, а затем приводят довольно развернутое описание (более подробное, чем в каталогах западноевропейских и американских собраний) и дату; в заключение указано состояние памятника (сохранность), происхождение его, а также инвентарный номер, ссылка на таблицу и аналоги. Не вполне ясным для читателя остается вопрос о принципе, по которому в описание включаются или не включаются указания на раскраску отдельных деталей; можно лишь предполагать, что указания приведены в тех случаях, когда репродукция не дает представления о распределении цветов. Технику воспроизведения таблиц можно признать удовлетворительной, хотя фактура тканей в них не всегда передана. Было бы полезно увеличить количество цветных таблиц.

Подводя итоги, следует признать, что рецензируемая книга представляет серьезное, принципиально новое, марксистское исследование большого, сложного и очень интересного историко-культурного и художественного материала. Применение марксистско-ленинского метода и, в частности, творческое использование работ И. В. Сталина, позволило авторам поставить, а в ряде случаев и разрешить интересные научные проблемы.

М. Э. Матье и К. С. Ляпунова привели в систему, опубликовали, определили и датировали основной фонд коптских тканей IV—V вв. — богатейшего советского и одного из лучших в мире собраний. Работа М. Э. Матье и ныне уже покойной К. С. Ляпуновой должна быть продолжена с учетом некоторых высказанных здесь замечаний.

Издательство „Искусство“ положило начало выпуску научных каталогов замечательных художественных и историко-культурных собраний крупнейшего советского музея. Остается непонятным, почему, однако, оно сочло необходимым стыдливо умолчать (не указав в названии книги) о том, что данная работа является научным каталогом коллекции Государственного Эрмитажа. Раскрытие богатейших фондов собраний наших музеев представляет большой интерес для широких кругов советских читателей и посетителей музеев.

Остается пожелать, чтобы хорошее начинание было не случайным эпизодом, а плановым систематическим делом издательства „Искусство“.

А. В. Банк

¹ По непонятному недосмотру последнее обстоятельство не отражено в заглавии раздела.